

ФАВОРИТКИ СУДЬБЫ ИМПЕРАТОРСКОГО КИТАЯ

Юрий Лубченков • Татьяна Лубченкова

Любовные драмы (Вече)

Юрий Лубченков

**Фаворитки судьбы
императорского Китая**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(510)
ББК 63.3(0)63.3(5Кит)

Лубченков Ю. Н.

Фаворитки судьбы императорского Китая / Ю. Н. Лубченков —
«ВЕЧЕ», 2026 — (Любовные драмы (Вече))

ISBN 978-5-4484-5570-4

В китайской культуре почитаются четыре идеала женской красоты. Эти женщины были не просто объектами восхищения. Легенды гласят, что их чарующее обаяние вершило судьбы, спасая и низвергая царства. Пятитысячелетняя история Китая, как свидетельствуют древние хроники и литературные памятники, не раз претерпевала кардинальные изменения под влиянием этих прекрасных дам, чья красота становилась роковым фактором для государств и их правителей. Истории легендарных красавиц Поднебесной продолжают жить в исторических романах, фильмах и сериалах, изобразительном искусстве. Предлагаемая вниманию читателя книга расскажет не только о прекрасных женщинах императорского Китая, но и о его истории, культуре, философии и великих традициях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(510)
ББК 63.3(0)63.3(5Кит)

ISBN 978-5-4484-5570-4

© Лубченков Ю. Н., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Китай эпохи царской династии Чжоу	10
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Лубченков, Татьяна Лубченкова Фаворитки судьбы императорского Китая

 Любовные драмы

Серия «Любовные драмы»

© Лубченков Ю.Н., Лубченкова Т.Ю., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Предисловие

Не на всех континентах, не во всех регионах и не во все эпохи после начала становления человеческой цивилизации сохранилась явная и неявная традиция женского управления. Ведь, как феминисткам ни обидно, человеческая цивилизация до сих пор является преимущественно мужской цивилизацией, и редкие исключения правительниц и ученых (не берем культуру и искусство – ими лишь жизнь украшалась, да и там массовых феноменальных успехов замечено не было) лишь подтверждают это правило – мир двигали вперед мужчины. Хотя закон больших чисел никто не отменял, и в истории сохранились прецеденты самовластных властительниц, железной волей пришедших на трон, талантливых ученых (тут уже поиск фигур более затруднен), но ведь правил и не бывает без исключений.

А ведь этап становления человечества практически повсеместно прошел эпоху матриархата, когда власть была в надежных и цепких женских ручках. Но владычиц тех времен подвела привычная тяга женщины, доминирующая и превалирующая в ее начале, к стабильности и нежеланию риска – и матриархат начал рушиться, трансформируясь в патриархат с его войнами, рисками, стремлением к невозможному. Словом, к прогрессу. В вере, отношениях, формах организации общества, новых орудиях труда.

В тех местах, где трансформация шла мягче, а новые верования удалось совместить с верой древности, роль и влияние женских богинь, женщины-управительницы не только кухней, но и неким социумом, сохранялись. Особенно если эпоха матриархата была здесь более продолжительна, и ее ментальные установки остались глубинными закладками нового нарождающегося психотипа человека общественного, человека обновляющегося социума.

Здесь существовали культы Великой Матери всего сущего, и в местном божественном пантеоне ее роль была весьма и весьма весома. Так что ее жрицы и последовательницы по-прежнему могли ощущать себя вполне комфортно, а не действовать исподтишка, как это происходило в уже традиционных мужских обществах, где вроде голова все решает, но куда ей смотреть, определяет, согласно пословице, шея. Где на эту вроде непрестижную роль женщины определяли исключительно себя.

Наличие женского культа в мужском обществе в подавляющем количестве случаев способствовал доминирующий тип хозяйствования, где сельское хозяйство было прежде всего пойменным земледелием и зависело от разливов рек. Наглядно подтверждая мысль о цикличности плодородия, даруемого свыше и определяющего само существование социума. Где подобного не было по определению, патриархат был более жестким, однозначно-бескомпромиссным и не оставлял поначалу женщинам лазеек в их привычном желании манипулировать всеми и всем. Манипуляция как средство, способ и цель выживания.

Культ же женского божества – там, где позволяли обстоятельства, исходящие из особенностей природы и географии, и природы и географии, указывающие почти в абсолютном порядке пути развития общества, – дискретно трансформировался в понимание дуализма всего сущего, наличие мужского и женского в каждом акте бытия и невозможности разделить эти начала, эти стихии, этих божеств. В каждой стране, в каждом регионе эта мысль и эта вера находили свое особое воплощение. В Китае это стало парой Инь и Ян, противоположностями, находящимися в равновесии и создающие гармонию мира, государства, общества. Где каждому найдется предназначенное ему место. И, соответственно, в таких обществах, в том числе и в Китае, социальная жизнь спорадически выводила на первые, явные и неявные роли, правительниц, фавориток, наложниц, которые безо всякого сомнения и стеснения начинали управлять государствами и странами, особо не обращая внимания на противодействия мужчин, внезапно почувствовавших себя неуютно в мире, который они создали под себя. Хотя нет, они обращали внимание на это противодействие, решая его вызовы по мере сил, – от манипулятивного использования противоречий различных мужских групп и кланов до радикально-окончательного ответа на попытки вырвать из их рук самое сладкое – власть...

Глядя на современных китайцев, общаясь с ними, посещая и пытаясь изучать их страну и их самих, подспудно постоянно помнишь, что нынешний, сегодняшней Китай – это единственная ныне уцелевшая практически в полном объеме древнейшая культура, насчитывающая почти полдесяток тысячелетий своей истории.

Что эта страна и этот народ дали миру почти все базовые изобретения, переводящие человечество от дикости к цивилизации. Что где бы ты ни был в нашем современном маленьком мире, – там ты непременно встретишься с китайцем. Именно с китайцем, а не с человеком усредненного мира, предки которого приехали сюда некогда из Китая. Нет, именно китайца, знающего свой язык, свою культуру, соблюдающего все традиции и ритуалы своего общества, разделяющего веру своих предков. Трудолюбивого, заряженного на успех и процветание. Свое

и своей страны, единого для всех (даже для тех, чьи прадеды уезжали из него по ряду причин, как правило, отнюдь не положительных) Китая. Что китайцы – самая ныне весомая часть человечества и в плане количественном, и в экономическом, ибо ныне весь мир пользуется преимущественно китайскими товарами, и финансовом, поскольку китайские инвестиции одни из самых весомых по всему миру, и в плане глобальной заряженности на стратегическую победу в гонке по вертикальной лестнице прогресса.

По мере того как ты все глубже погружаешься в безбрежное море, именуемое китайской цивилизацией, первым делом начинаешь осознавать, что круг твоего незнания лишь увеличивается по сравнению с узанным. Что никогда человек, не впитавший с молоком матери идеологии этого бескрайнего цивилизационного мира, не сможет до конца прочувствовать и понять китайский Космос. И лишь потом, методом аналогов, скорее всего, весьма огрубленных, начинают брезжить некоторые мысли на уровне скорее ощущений, о причинах, поводах и возможностях этого великого феномена – Китая и его жителей...

В основе существования и развития Китая многие тысячелетия лежали ритуалы, книжная традиция, традиция имперской государственности, единство основных жизненных ценностей. Поэтому история Китая не есть в полной мере история государства и народа, как уже привычно позиционирует историю любой страны классическая историческая наука, выросшая на европейской ниве из античных и христианских корней. Это – идея цивилизации в развитии, где данная идея постоянно торжествует и превалирует над идеей государственности.

Смотря на прошлое Китая, поневоле начинаешь вспоминать Древний Египет, сопоставимый по древности возникновения и также просуществовавший в своей базовой неменяющейся основе почти четыре тысячи лет. И здесь, и там доминирование ритуала как модели человеческой социальности, формирование и оформление духовного социума; где ритуал есть единственно правильное и должное поведение. Именно в ритуале непосредственно воплощаются и воспроизводятся все основные принципы мироздания, именно в нем и есть правда жизни.

И Китай, и Египет возникнут на периферии мира, Ойкумены, где сформировалась единая древняя азиатская цивилизация. Века и века их войны будут вестись с менее цивилизованными народами, где их военное доминирование было безусловным. Когда же дело дойдет до глобальных для того времени войн и победа будет не на их стороне, они в силу многочисленности своего населения сумеют ассимилировать несколько волн захватчиков...

Но Китай и в данном сравнении стоит наособицу. Лишь здесь сквозь века и тысячелетия будет пронесен единый язык, прежде всего письменный – особая скрепа сильной государственности, подкрепленная и подпираемая развернутой теоретической и прагматически-практической системой управления, опирающаяся в свою очередь на нигде в мире не осуществленный более феномен – экзамен на чин, рекрутирующий в систему управления всех достойных управлять. Лишь здесь религия носит преимущественно этический характер и является скорее сводом моральных правил, а все небожители являются фигурой-отражением земной бюрократии (во всех остальных странах и цивилизациях древности все было с точностью до наоборот).

Именно поэтому Китай – это не государство, даже не цивилизация, это – культурная традиция с жестко-канонизированными ритуалами, со своеобразной религией-этикой, с превалированием бюрократии книжников даже на небе. Это особый мир, который вышеперечисленным набором феноменальных черт можно объяснить. Но объяснить лишь в системе координат – «как?». Как он сумел столь долго и успешно существовать и как сумел ныне выйти почти на вертикальный взлет в своем совокупном развитии. И все равно в полной мере мы так и не объясним – «почему?»

Почему лишь здесь сложилась такая удачнейшая комбинация нетипичных условий, позволивших образоваться и развиваться данному феномену, ныне во многом определяющему лицо современного мира? И все же погрузимся в этот мир, ибо дорогу осилит лишь идущий. И

именно эта дорога, дорога в тысячу ли, начинается с первого шага, который, конечно, ведет к женщине. Ну, а куда же еще?

Глава 1 Си Ши

Китай эпохи царской династии Чжоу

Общепризнанно, что в Древнем Китае было четыре великих красавицы, первой из которых считалась Си Ши (506 год до н. э. – ?), жившая в конце Эпохи Весен и Осеней, относящейся к эпохе династии Восточная Чжоу, в Чжуцзи, столице древнего царства Юэ.

Чжоу, немногочисленное племя, оказавшееся в результате побед над Чжоусином во главе военно-политического союза во много раз по территории большего прежнего Шан-Иня (по сути дела союз охватил весь бассейн реки Хуанхэ), многое переняли от своих предшественников, от многого отказались, многое привнесли свое.

У иньцев чжоусцы переняли все их культурные достижения, в т. ч. и письменность; их достижения в бронзоволитейном производстве, хотя от своих предшественников, видевших в этом литье основу для оружия и религиозно-ритуальных предметов, при Чжоу из бронзы начинают изготавливать и орудия труда.

Чжоусцы также научились у инцев изготовлению боевых колесниц, которые и у них, так же как и у предшествующих им шан-иньцев, составили ударную силу войска. К тому же большинство профессиональных воинов предыдущей династии влились в войско победителей-чжоу.

Именно мудрое сочетание пользования достижениями старой династии и привнесением своего, нового, позволит просуществовать династии несколько сот лет и стать по сути дела основоположницей китайской цивилизации (как Шан-Инь – ее фундаментом). Ибо со временем границы государства Чжоу (или – Западного Чжоу, поскольку существует наследуемая ей эпоха Восточного Чжоу, эпоха распада единого державного организма на малосвязанные друг с другом и враждебные части) продвинулись не только на запад, но и на юг и север.

Именно в эпоху династии Чжоу происходит разработывание этических постулатов, легших в основу всей китайской исторической традиции (шан-иньцы этики не знали, будучи утилитаристами и прагматиками). Главной доблестью человека провозглашается его добродетель, происходит отказ от человеческих жертвоприношений, характерных для шан-иньцев, и шире – индоарийцев, складываются основные государственные институты и нравственные ценности.

Разрабатывается концепция этического права на верховную власть – Мандат Неба, по которой Небо вручает мандат на власть в Поднебесной добродетельному правителю, лишая его правителя, потерявшего Добродетель (исходя из этой концепции разрабатывается версия существования и прекращения правления династии Ся в связи с утратой Добродетели – зеркально с династией Шан-Инь. Последнему из Ся полностью приписывают негативные черты Чжоусина. С этого времени, т. е. можно сказать – с самого начала, китайская история становится прежде всего возможностью на нравственных примерах дать правильный совет жизни сегодняшней, не особенно озабочиваясь реальностью факта и трансформируя его по мере социально-нравственной необходимости дня текущего).

Именно потому, что обладают необходимой Добродетелью, владыка немногочисленного племени Чжоу имеет право на власть над всей Поднебесной, имеет право быть владыкой. Сыном Неба (так впервые стали официально именовать правителей династии Чжоу – и этот титул пройдет через тысячелетия истории Китая). Раннечжоуская ода из «Книги песен» гласит: «...широко кругом простирается небо вдали, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всем берегу, что кругом омывают моря, повсюду на этой земле только слуги царя!».

Нефритовый дракон эпохи Чжоу

Для укрепления власти Сына Неба около него стоят его ближайшие сподвижники, и – одновременно – родственники, с титулами гун и хоу.

Отныне все население Чжоу делилось на пять социальных групп. Первую группу составлял ван – «единственный среди людей». Все люди в государстве являлись его слугами. Вторую группу составляли чжу хоу, представители высшей аристократии. Третья – дафу, главы тех родоплеменных групп, которые составляли представителей наследственных землевладельцев. Четвертая группа – ши, главы больших семей, военные служилые люди, представители боковых ветвей высшей аристократии. Пятую группу составляли жужэни, простолюдины.

Одежда, дом, количество еды зависели от принадлежности человека к отдельным группам, устанавливавшимся в зависимости от родства, первенство принадлежало старшему сыну, который наследовал ранг своего отца, остальные довольствовались низшим рангом.

Лишь ниже ранга жужэней нельзя было опуститься, поскольку кроме них никто не занимал такого положения.

И гун, и хоу, и ряд других соратников образуют сословие наследственной знати чжу хоу – владельцев наследственных уделов, на которые была разбита вся страна. Исключение было сделано лишь для двух столиц – одной в родовых землях Чжоу на Западе, где было размещено шесть армий и резиденция самого вана, а второй – на востоке, в новом военном центре, где стояли восемь «иньских» армий, состоявших из профессиональных воинов прошлой династии.

Уделы (немногим более 70) получили прежде всего родственники вана, но среди новых владельцев были и ближайшие сподвижники, и потомки шан-иньского правящего дома, интегрируемые в общество победителей вместе с их войсками.

Эти уделы стали основой власти вана, поскольку позволяли их новым наследственным владельцам вместе с отрядом воинов-чжоу держать в повиновении всю страну и постепенно проводить этническую консолидацию.

В дальнейшем эта, естественно, как и любая схожая с ней феодальная система, приведет к ослаблению центральной власти и сепаратистским устремлениям местных владык, особенно объяснимым в эпохи почти натурального хозяйства. Потребуется века организационно-управленческих усилий и культурологических усилий, чтобы успешно ликвидировать это естественное противостояние центра и периферии (одним из первых этого добьется основатель династии Цинь)...

После разгрома иньского государства родственники У-вана получили в наследственные пожалования земли вместе с населением. Общим числом не менее 200–300 владений были признаны наследственными. В зависимости от размеров пожалования землевладельцам присваивался титул гун, хоу, бо, цзы, нань.

Все первоначальные успехи новой династии обычно связывают с именем Чжоу-гуна (вновь возникает символическая магия имени: последний царь Шан-Иня Чжоусин терпит поражение от новой династии Чжоу, а родоначальник концептуального развития новой династии – гун Чжоу). Чжоу-гун – младший брат основателя династии, вошедший в анналы истории как добродетельный муж, без которого ван не может править державой (поскольку идеологически-этической подоплекой обоснования легитимности власти новой династии занимался Чжоу-гун, здесь при желании можно найти обязательности отныне при владыке ближайшего сподвижника-помощника, который действует в то время, когда государь правит, своей жизнью и надлежащими ритуалами обеспечивая благоденствие Поднебесной. Таковых помощников находят и при Пяти Государях, а отсутствие таковых отныне объясняет излишнюю активность последних правителей династий Ся и Шан-Инь, за что они и были лишены Добродетели. И – соответственно престола. В дальнейшие столетия и тысячелетия это разделение функций правителя и его помощника (помощников) станет – за редким исключением – обязательным канонем. Даже основателю новой династии было уместным, завоевав трон, передать непосредственное управление в руки сподвижников, самому же заняться великим. Несоблюдение этого было чревато личными, общественными и природными катаклизмами).

Пока же именно Чжоу-гун обеспечит передачу престола сыну У-вана, подавив заговор других своих братьев, и установит принцип престолонаследия от отца к сыну. Отменит человеческие жертвоприношения, добьется принятия концепции Мандата Неба. Утвердит иерархию нового правителя – Сына Неба. Будет одним из инициаторов разделения страны на уделы.

Одним словом, начало правления династии было очень конструктивным, динамичным и удачным, но с десятилетиями все чаще к власти приходили правители, идущие по пути наименьшего сопротивления, правивших по инерции, не понимавших, что выстроенная их предшественниками иерархия власти возможна лишь при наличии волевого и энергичного верховного владыки, поскольку особых механизмов сдерживания удельных правителей и нивелирования их центробежных усилий не существует. И все успехи и неуспехи правления зависят прежде всего от постоянного давления Сына Неба на свое окружение, от того, признают ли те его своим вождем, или посчитают лишь фигурой формально-номинальной.

Тем временем среди удельных владык также выстраивалась своя иерархия, определялись свои лидеры, богатеющие благодаря благоприятным условиям, расширяющие свои владения силой оружия либо вовне, либо, что было пока реже, за счет ближайших соседей.

И уже менее чем через двести лет с момента воцарения династии нашелся правитель одного из уделов – Э-хоу, который решил проверить центральную власть на крепость. Он был разбит, но вскоре и правитель Ли-ван, допустивший мятеж, будет низложен. Его также осуждали и за то, что он был настолько глуп, что начал копить богатство, хотя «государь обязан распространять состояние и распределять его как в верхах, так и в низах, с тем, чтобы среди богов, людей и всех существ каждый достигал наивысших ступеней. А, желая, чтобы его критики замолчали, он прибегнул к колдовству – и не было ничего более губительного, чем эта его попытка «заткнуть рот народу».

Лишь спустя четырнадцать лет регентства трон перейдет к его сыну Сюань-вану.

Сюань-ван будет править несколько десятилетий (827–781 гг. до н. э.), и именно в эти годы будут предприняты по сути дела последние попытки спасти от распада единое и сильное прежде государство Чжоу.

Сюань-ван в годы своего правления отказывается участвовать в ритуальной вспашке поля в начале сельскохозяйственного сезона. С одной стороны, он явно десакрализирует власть Сына Неба, вероятнее всего и не желая этого: ведь правитель – необходимое звено природных циклов. Но он обосновывает свои действия тем, что отказывается участвовать прежде всего в акте, позволявшем, помимо прочего, чиновникам единственным образом знать количество работников на этой вспашке, глав семей, т. е. подданных, и – налагать на них функции несения государственных тягот в пользу государства. Ван же считал, что для этого существуют иные, более действенные и простые методы. Он попытался провести перепись населения на собственных землях и ввести (и ввел) простую и ясную налог-десятину. Это вызвало резкое недовольство и его окружения, и владельцев уделов, совершенно справедливо видевших в этих действиях правителя попытку большей централизации власти, стремление вывести финансовые потоки под свой контроль без слепого доверия привычным ритуалам старины, допускающим гибкость трактовок в ущерб верховной власти, но не исполнителей. Взять и сейчас, и в будущем.

Сюань-ван. Со старинной китайской гравюры

И столь же явно покушающимся на почти уже безусловные prerogatives независимости хозяев уделов. И в части общей идеи, и в части исполнительских функций – поскольку все высшее административное окружение вана рекрутировалось из представителей тех же правителей уделов. А, стало быть, подрывающих уже почти сложившуюся их самодержавную власть (ведь именно в эти годы начнут происходить пока еще единичные, но знаковые события: владыки уделов начнут жаловать своих родственников-подданных автономными уделами внутри своих владений помимо вана, тем самым изъав из функций вана одну из самых главных – исключительного права вручения удела в управление. Тем самым убрав одну из самых главных подпорок из-под ног верховного правителя).

Понимая подобную реакцию на свои действия и наблюдая действия своих удельных правителей, Сюань-ван пытался им противодействовать и привычным путем – путем создания новых уделов, главы которых преданы еще лично ему. Не желая видеть, что логика жизни

с годами делает их интересы, симпатии и действия аналогичными другим владельцам. Или – мудро решая сегодняшние проблемы сегодня, оставляя решение завтрашних проблем завтрашним владыкам.

Была ли в этом мудрость, усталость или обычная недальновидность – уже не узнать. Известно другое: произошло вскоре именно то, о чем просто вопияла логика жизни. Действительно, на век Сюань-вана системы сдерживания сепаратизма хватило. Но уже в годы правления его сына, новому владыке Чжоу Ю-вану, пришлось в полной мере расплатиться за действия отца. Впрочем, как и за свои.

По мнению же летописцев, общественному мнению современников правления и исследователям ближайших столетий, Ю-вана настигла кара за совсем иные прегрешения отца – а именно за попытку проведения переписи. Ибо такого не было доселе, а, стало быть, было и ненужным, и вредным.

По совокупной версии современников, летописцев и их комментаторов (или только комментаторов – поскольку, говорят, бумага все стерпит, а истории, утверждают столь же обоснованно знающие люди, пишут победители), Сюань-ван раскаялся с годами в своих ошибках и проявил смирение (действительно, больше попыток переписи, столкнувшись с такой консолидированной силой противодействия, он не предпринимал). Поэтому Добродетель династии обновилась, и это позволило ему еще долгие годы править народом. Но богохульство было совершено, оно вопияло о воздаянии, и поэтому кара пала на голову Ю-вана (что мало отличается от традиционной старинной китайской практики наказаний, где за тяжкие преступления расплачивалась семья преступника до третьего колена).

Более же приземленная версия событий исходит из того, что правитель Ю, имея старшей женой дочь хозяина удела Шэнь (основанного как раз его отцом, т. е. владельца нового удела, по логике власти еще должного помнить добро вана), больше ее полюбил новую наложницу, дочь дворцовой служанки, женщину умную и амбициозную. Наложница, родив вану сына, стала продвигать его на трон царства. Старший сын и наследник вана, понимая, чем это может грозить лично ему и сейчас, и в будущем, бежит к деду в Шэнь. Тот собрал свои войска и обратился за помощью к своей дальней родне, вождям варварского племени жунов, и до этого приглядывавшихся к богатым землям Чжоу. И даже немного рисковавших пощипывать их.

Совместная коалиция шэньцев и жунов разгромила Ю-вана. Он и его сын от наложницы были убиты, сама же она попала в плен, а сын от старшей жены взошел на трон под именем Пин-вана.

Желая в дальнейшем избежать давления варварских союзников, которые, по логике владыки Шэнь и нового вана, были нужны всего лишь один раз, но которые сами так отнюдь не считали, новый ван перебирается на восток, в Лои, вторую столицу Чжоу. Ибо здесь, на западе, разрушив западную столицу Чжоу и взяв богатую добычу, варвары лишь вошли во вкус и оглядывались в поисках продолжения.

Лои – город, где в начале эпохи Чжоу были поставлены восемь восточных армий, набранных из воинов старой династии Шан-Инь. Город, основанный почти в центре старых владений прежней династии.

Так завершилась эпоха подлинного Чжоу (или, как принято называть ее, Западного Чжоу). Наступал период Восточного Чжоу. Или, как его гораздо чаще называли, эпоха Разделенных Царств и эпоха Сражающихся Царств, из названий которых видна уже и степень единства государства, и перспективы его существования и развития.

На землях же старой, разрушенной столицы буквально через год конституируется новый удел, существовавший до этого только де-факто. Удел Цинь. Почти варварский, но не гордящийся своим варварством, а тяготеющий к элите правящего дома. И ставший преемником почти всего того, что было славного и ценного в столичном регионе Западного Чжоу. И – всей варварской периферии, ранее тяготевшей к непосредственно Чжоу. Возможно, и это тоже поз-

волило в дальнейшем, через две эпохи раздробленности и междоусобных войн именно дому Цинь основать новую династию. Короткую, но во многом задавшую вектор развития Китая на грядущие тысячелетия.

Как пишут старые книги, когда был свергнут Ю-ван, в Китае не нашлось ни одного мудреца, который обладал бы гением основателя новой династии, и лишь поэтому династия Чжоу, чья Добродетель была уже давно подорвана, а теперь окончательно истощилась, по-прежнему давала Поднебесной Сыновей Неба.

Но теперь владыки Чжоу, находясь в своем наследственном восточном домене, были по реальной военной и политической силе лишь одними из равных, моральный же их авторитет и сакральная сила с каждым новым владыкой лишь уменьшались.

Доминировали же на авансцене истории потомки владык наследственных уделов. С годами и столетиями часть из них канула в пучину временного потока, часть же усилилась, еще меньшая часть – усилилась значительно, и теперь многие из владык по праву сильного называли себя царями.

Царства достаточно четко делились на две группы: первые в свое время произошли от уделов ближайших родственников первых ванов Чжоу. Это были уделы в центре бывшего государства Чжоу – Вэй, Лу (удел великого Чжоу-гуна), Сун, Цзинь, Чжэн, Хань и некоторые другие. Именно они стали называть себя Срединными Государствами. Подчеркивая свою не только территориальную, но и сакральную роль в развитии цивилизационных процессов. Большинство из них было весьма небольшими по территории и населению и достаточно слабыми в военном отношении, в отличие от тонко презираемой ими периферии, имевшей возможности к расширению за счет варварских земель и армии, необходимые для такого противостояния с вечным противником. Противостояния цивилизации и варварства. Тонкость ситуации, ее двойственность и неоднозначность, со столетиями столь начавшаяся цениться именно здесь, на Востоке, заключалась в том, что ряд из этих периферийных царств испытывали такое влияние внешней варварской периферии, что и себя в диалогах со Срединными государствами зачастую с гордостью называли варварами.

Вот они, крупные игроки за шахматной доской эпохи: царства У и Юэ (низовья Янцзы); царство Ци (побережье Восточного моря, торговля солью, железом, дарами моря); царство Цинь на западе (издавна специализировавшееся на разведении для всего объединенного войска Чжоу боевых коней; предки основателя царства были посланы вана многие столетия назад сюда именно с этим приказом); царство Чу (среднее течение Янцзы), самое большое из всех древних царств; царство Янь, прикрывавшее север.

Первые полвека эпохи Разделенных Царств (до 720 г. до н. э., до смерти Пин-вана) борьба между правителями происходила как бы под спудом, явно сдерживаемая наличием на троне вана, еще помнившего каноническую столицу державы.

Вскоре же после его смерти, с 7 века до н. э., разгорается явная борьба за власть окончательно окрепнувших и обособившихся царств-уделов. В первые десятилетия эта борьба происходила под стягом возрождения величия дома Чжоу.

Этот период получил наименование эпохи Пяти гегемонов (хотя их реально и было больше, но традиция выбирать символы, кратные пяти стихиям, – отсюда и Пять Государей начала истории, – оказалась сильнее грубой реальности; и так практически каждый раз, когда прошлое будет вступать в противоречие с назидательностью имперских историографов).

Первым из общепризнанных пяти гегемонов (ба), правивших голой силой, в отличие от вана, воздействовавшего на жителей Поднебесной силой Добродетели, стал правитель с 651 г. до н. э. царства Ци Хуань-гун. История этого удела начиналась с Тай-гуна, ближайшего сподвижника основателя династии Чжоу, полководца и мудреца.

Его потомку Хуань-гуну помог в резком усилении удела его советник-реформатор Гуань Чжун, в молодости чиновник с функционалом торгового агента, предтеча и родоначальник философско-правовой школы легизма.

Главным в учении и практике легизма был культ закона, даже не закона как теоретически кодифицированного постулата, а его практикоприменение, культ безусловного, полного и точного выполнения-претворения в жизнь административных распоряжений правителя, создающего централизованную власть. Основа сильной власти – не желание отдельного владыки и не добрая воля его вассалов, но – создание и бесперебойное ежедневное функционирование бюрократической машины. Четкость приказов и распоряжений, исполнение которых вознаграждается, а неисполнение – наказывается. Равно как и невнимание к предостережениям. В этом – основа и авторитет власти.

По мнению легистов, противниками сильной центральной власти являются не только представители мятежной по своей природе знати, но и частные собственники, которые в силу специфики своего бытия, своей деятельности и своего отношения к материальному нерукотворному и рукотворному миру ускользают из-под влияния и контроля власти, и осуществление которого над ними и есть одна из главных задач чиновников и самого правительства. Если оно заинтересовано в гармонии жизни, проистекающей из взаимоотношений власти и подданных.

Большинство успехов в деле усиления и централизации царств этой (да и следующих эпох) было связано с деятельностью именно чиновников-легистов, становившихся, как правило, министрами-реформаторами при различных дворах (яркие примеры: Шан Ян – реформы царства Цинь; Ли Сы – министр уже империи Цинь).

Чиновники-реформаторы рекрутировались из странствующих по различным царствам ши, предлагавших свои услуги их правителям.

Ши были низшей ступенью сложившейся к этому времени иерархии власти, во главе которой по-прежнему стоял ван. Ниже его теперь стояли единственно владельцы уделов-царств гунны. К этому времени они уже закрепили за собой право давать в рамках своих уделов автономные уделы, субуделы. Ими управляли потомственные аристократы – цины.

Наследственными аристократами были и стоящие ниже цингов на одну ступень дафу, нечто вроде безземельных (в отличие от цингов) рыцарей. Потомки таких же дафу, сыновья, братья и племянники гунов и цингов боковых ветвей. Боковые же ветви самих дафу, не имевшие ни титула, ни должности, но хорошо образованные, со связями в мире знати, именовались ши. Ши – прослойка служивых профессионалов по чиновной или военной стезе. В основном из аристократических боковых родов, но и с вкраплением талантливых простолюдинов, сумевших сделать чиновную карьеру. Именно здесь зачатки будущей системы кооптации чиновников по заслугам и знаниям, независимо от происхождения, на века определившей вскоре кадровый ресурс Поднебесной.

Дафу и ши имели свой кодекс чести, напоминавший будущие западный рыцарский и одновременно – самурайский.

Ши – по сути дела личные дворяне, во многом обеспечившие создание центральной власти и единой Срединной империи, а в дальнейшем ставшие ее стовальным хребтом. Пока же они – главный барьер своеволия цингов и вольницы дафу, доставлявшие гуннам такую же головную боль, как они сами доставляли ее вану.

После смерти Хуань-гуна и Гуань Чжуна царство Ци заметно ослабло, и на смену цискому гегемону на короткое время приходит гегемон из царства Сунн. Царство это возникло из удела, в свое время оставленного новой династией проигравшим шанцам. Может быть, в этом флере времени и сакральных тайн объяснение, что владыка царства Сун, владыка достаточно слабого по меркам эпохи царства, достаточно время председательствовал на встречах владык царств, когда те пытались решать вопросы царских взаимоотношений не на поле боя.

Следующим подлинным гегемоном после правителя Ци стал царь удела Цзинь Вэнь-гун, чья Добродетель была значительна и велика, но, к сожалению для многих современников, оказалась чуть-чуть не такой всеобъемлющей, чтобы Вэнь-гуну можно было основать новую династию.

Хотя по своей судьбе и заслугам он был близок к легендарным героям древности. Младший сын, получивший автономный удел на границе, он вскоре убежал к родственникам матери-варварки, чтобы не восставать на отца, которого настраивали против младшего сына злые родственники и советники. У варваров он находит себе жену.

Когда умер его отец, именно к нему, уже известному своей добродетелью и своим добронравием, прислали жители царства приглашение на трон. Вэнь отверг предложение, ибо чувствовал, что не в праве наследовать отцу, в погребальных обрядах по которому он не участвовал.

И все же он решил проехать по самым главным уделам-царствам, чтобы понять, как относятся люди всей Поднебесной к желанию жителей его удела. Здесь, в этом путешествии, он еще более прославил и возвеличил себя, ибо, сдерживая гнев, он выслушивал хулы не признававших за ним царской власти; и был признателен признававшим его владыкой Цзинь.

В Ци он нашел себе жену, рядом с которой он решил жить и умереть. Но именно новая жена уговорила его продолжить путь. В Чу он отказался договариваться с правителем «о недолжном», хотя и чувствовал опасность. Но владыка Чу не решился убить его: «Кто мог бы... Того, кого Небо решило возвести? Сопротивляться Небу – значит определенно навлекать на себя несчастья».

В Цинь он получил пять жен, и войско Цинь с триумфом сопровождало его в Цзинь. Здесь он награждал «тех, кто направлял его своей добротой и своей справедливостью, подкрепленной их добродетелью и их благодеяниями», а затем – тех, кто оказывал ему материальную помощь.

И в дальнейшем он жил, соизмеряя свою жизнь с высоким. Победив царя Чу, трофеи, доставшиеся ему, он передает владыке Чжоу Сян-вану в знак почтения. Он уговаривает вана вернуться в свою столицу. Он не гордится своими успехами, со вздохом говоря – «я знал, что единственно мудрец может найти покой после победы на поле битвы».

И все же у него, как и отмечалось ранее, не было совершенной Добродетели, необходимой основателю нового дома, идущего на смену Чжоу: в душе у него все же присутствовала грубость, мешающая истинному возвышению. Еще Конфуций обратил внимание на его неподобающее поведение, когда в одной из хроник прочитал, что Вэнь-гун как-то раз потребовал у вана прийти на некое собрание. Он проложил к своей могиле подземный ход, узурпировав привилегию исключительно вана.

Следующим гегемоном стал правитель Чу. Он, правивший одним из крупнейших царств, уже видел себя новым ваном. Недаром в 611 г. до н. э. он потребовал, чтобы чжоуский ван передал именно ему магические треножки, созданные самим Юем Великим, царский талисман, по преданию слишком тяжелые для всех, чья добродетель была недостаточной.

Пришедший ему на смену гегемон царства Цинь также не соизмерял свою Добродетель со своими деяниями. Он решил принести в жертву пленного владыку соседнего царства, не подумав о том, что лишь ван мог совершать такое. Умирая, он приказал почтить себя многочисленными человеческими жертвами. И мудрецы говорили: «Князь Му из удела Цинь увеличил свою территорию и приумножил свое государство: ...однако он не председательствовал на собраниях знати: именно это и должно было случиться, ибо он приказал после своей смерти принести ему в жертву лучших из собственного народа... Так стало известно, что Цинь больше не сможет править на Востоке»...

Юй Великий. Художник Ма Лин

Эпоха разделенных Царств была эпохой междоусобной борьбы. Но борьба эта еще не была борьбой всех против всех. В этот период еще присутствует и еще сильно особое внутреннее согласие, поддерживаемое традицией проведения съездов правителей и заключения между ними договоров.

Все в основном стремились к некоему равновесию, основанному на уважении прав вана дома Чжоу, сохранению уже достигнутого к этому моменту положения и формальной подчиненностью (очень формальной и очень условной) гегемону.

В 562 г. до н. э. между царями был заключен договор: «Мы все клянемся на этом договоре, что мы не будем собирать урожай, не будем захватывать прибыли, не будем защищать виноватых, не станем укрывать зачинщиков беспорядков; мы придем на помощь тем, кто пострадает от природных бедствий или катастроф, мы проявим сочувствие к тем, кто в беде или несчастьи. У нас будут одни и те же друзья и одни и те же враги. Мы поможем царскому дому. Если кто-нибудь нарушит это постановление, то Пусть Покровитель истинного, Покровители договоров. Достопочтенные горы, Достопочтенные реки, все Боги (гор и холмов), все Боги домов (и городов), все усопшие Цари, все усопшие князья, Предки Семи Семейств и Двенадцати Уделов, пусть эти Боги того уничтожат! Пусть покинет того его народ! Пусть утратит он (Небесный) мандат. пусть погибнет его род! Пусть будет низвергнут его удел!»

В 544 г. до н. э. на всеобщем съезде цари вновь заключили договор о мире. И вновь ненадолго. Но договора все же были, они отражали тенденцию, присутствовавшую в обществе и являвшуюся сдерживающим фактором – пусть и не долго. Но мировая история еще не знает вечных договоров о мире, соблюдавшихся хотя бы половину вечности.

Эпоха Разделенных Царств (или «Чунь цю» – «весна и осень». Таково название хроники, заканчивающейся как раз этим годом) оканчивается – вместе с хроникой – в 481 г. до н. э. По другой версии, она завершается со смертью Конфуция в 479 г. до н. э., жившего как раз в эту эпоху и жаждавшего достижения истинного мира. Достигнутого мудрым владыкой-царем, бескорыстным опекуном рода вана.

Но никто из владык не воспользовался предложением мудреца добиться этого идеала на практике. Каждый жил своим умом и умами своих приближенных. Это ли, либо другое, но с конца пятого века до н. э. эпоха Разделенных царств становится новой эпохой – эпохой Царств Сражающихся.

В этот период, по мнению ряда исследователей, происходит эпохальное событие – на территорию Восточного Чжоу приходит практика выделки железа. Большинство данных свидетельствуют, что это умение проникает через царство Чу извне – от народов, с которыми поддерживало контакт это царство. Наличие массовых навыков выделки железа приводит к широкому использованию железных орудий в мирной и военных областях.

В мирной жизни это значило резкое повышение рентабельности сельского хозяйства, облегченную постройку ирригационных сооружений, что сразу вводило в оборот новые земельные массивы, развитие ремесел и образование рынков обмена товарами, быструю специализацию ремесел, развитие финансовой компоненты общества, расслоение и разложение общинного мира, лавинообразное развитие частной собственности, увеличение торговли. Словом, резкий и качественный скачок всех производительных сфер общества, прежде всего специализированного ремесленничества и интенсивного сельского хозяйства. И социальных – общество из патриархального быстрыми темпами становилось обществом наемного труда, развитой финансово-денежной системы, рынка.

В военной же сфере на фоне частых войн между царствами-уделами и зачастую перманентных конфликтов всех против всех внутри уделов, на фоне борьбы с варварами практически на все стороны света железное оружие начало завоевывать себе все новые и новые ниши, стремительно эволюционируя и модифицируясь под различные задачи.

В организационно же стратегическом плане железное оружие привело к тому, что боевые колесницы почти мгновенно остались лишь красивыми и престижными игрушками, опасными зачастую лишь для своей стороны. Ибо появилась масса возможностей и методик противодействия им на поле боя.

Уходила в прошлое, как основная доминирующая военная сила, аристократия, которая всегда и была главным поставщиком воинов на боевые колесницы. Вперед резко выдвигалась пехота, вооруженная различным оружием на все случаи боя. Второе рождение получала конница, из вспомогательной силы становясь одной из главных на театрах военных действий.

Железное оружие рывком включало в ряды войска каждого царства множество и множество людей, обеспечивая их всем необходимым для войны и лишая войну привкуса элитарности. Сошлось и то, что армия поглощала некий избыток населения, образовавшийся после широкого распространения в сельском хозяйстве новых, более качественных орудий труда.

И все равно этот избыток ощущался. Он был виден и осязаем. В эти столетия впервые начинает проявляться феномен, с той поры характерный для китайской цивилизации: множественность населения. Войны не в силах забрать, несмотря на свою все большую жестокость и многочисленность войск в увеличившемся количестве войн, весь избыток быстро воспроизводящегося народа. Благоприятные условия, сложившиеся в земледелии, делают возможным прокормить гораздо большее количество народа, чем в прежние столетия и тысячелетия. Отсюда – значительная плотность населения в развитых сельскохозяйственных и ремесленных районах, толпы в городах и значительный рост самих городов, стремительно преобразующихся из различного рода малочисленные поселения.

В этом же пятом веке до н. э. окончательно определяются большие игроки за наследство Чжоу. Претенденты на всекитайскую гегемонию. Или скорее – за реинкарнацию единой державы под своей эгидой. В конце этого века царство Цзинь, еще недавно сильнейшее, пало под тяжестью внутриклановой борьбы: главы внутренних уделов – цины – разорвали царство на три части. Причем это сделали кланы, не имевшие вообще никаких родственных связей с правящим домом Цзинь. Имевшие же эти корни уничтожались в ходе сепаратных войн царства с особенной беспощадностью. Итак, Цзинь распалось на Вэй (второе царство с таким именем, первое – один из древнейших уделов эпохи раннего Чжоу, – было захвачено как раз младшим тезкой), Чжао и Хань.

С ними в битвах за всекитайскую гегемонию соперничали и старые царства – Цинь, Ци, Чу и Янь.

Этому предшествовали ряд войн. Где постоянными были лишь собственные интересы. Союзники же и противники менялись ежечасно.

Еще в предшествующие столетия первыми в качестве лидера-гегемона выступило царство Ци. Но вскоре его место заменяет государство Цзинь. Его правитель Сянь-гун расширил свою территорию, построил на северо-западных границах несколько крепостей и отразил набеги кочевников.

Воспользовавшись расколом среди кочевников, правители Цзинь в восьмидневной битве разгромили их главные силы. Тем самым было покончено с набегами на столицу племен «варваров».

В VII–VI вв. до н. э. главным противником Цзинь было южное царство Чу. Оно увеличило свою территорию за счет мелких царств между реками Янцзы и Хуанхэ и начало вмешиваться в отношения между наследственными владениями Цзинь на Среднекитайской равнине. В конце VII в. до н. э. правитель Чу принял неформально титул вана, которым до этого де-факто мог именоваться лишь правитель Цзинь.

В битве при Би цзиньцы были разбиты, и на двадцать лет правители Чу стали играть главную роль в Древнем Китае.

Чтобы восстановить утраченное положение, правители Цзинь заключили военный союз с царством У, занимавшим земли в нижнем течении Янцзы, главным их промыслом было рыболовство. Именно это государство и стало претендовать на роль нового объединителя Китая.

Ли Бо. С китайской гравюры

Правитель У нанес поражение соседнему Юэ, а затем армиям Ци, Лу и Сун. Но через десять лет правитель Юэ разгромил войска У и подчинил себе большинство северных царств. А царство Цзинь именно в это время было разделено на три государства: Чжао, Вэй, Хань.

Именно здесь судьба отводит место первой красавице Древнего Китая. И место отнюдь не второстепенное. По общему мнению, именно благодаря ей и падет царство У. И хотя уже две тысячи лет красавицу называют первой в мире шпионкой, но ведь в реальности это не так (да и чем ей передавать было резидентурные сведения?). Здесь идет речь об агенте влияния и классической «медовой ловушке», в силки которой столетие за столетием будут с удовольствием попадать мужчины-правители. Да, и не правители тоже. Ведь недаром же великий Ли Бо через множество столетий посвятит ей поэму:

Наложницы князя Юэ!
Хоть мира все восемь концов обыщи —
Подобной ей нет на земле!

Лицо – словно полная в небе луна,
Глаза ее – словно миндаль.
Прекрасна, когда в глазах радость видна,
Прекрасна, когда в них печаль.

Как белый фужун ее кожа нежна.
А губы, как алый цветок.
И в море волос утонула спина,
И форма божественна ног.

Как ивы листок ее каждая бровь,
И гибок пленительный стан.
А царственный взгляд источает любовь,
Наносит в миг тысячу ран.

И это сокровище князь бережет
Сильнее, чем собственный глаз.
(Ах, если бы знать то, что в жизни нас ждет...
Но мы продолжаем рассказ.)

Сердитая дробь барабанов звучит,
За стягом взвивается стяг.
И войны идут, дик и злобен их вид,
Жесток и безжалостен враг.

Повсюду тяжелая поступь слышна,
Ведет их свирепый князь У.
Отряды его, за волною волна,
Юэ наводняют страну.

За городом город сдается врагам,
За ратью рассеяна рать.
Враг движется прямо к столицы стенам,
Готовясь ее штурмовать.

Что делать, и как положение спасти,
Снять с горла тяжелую длань?
Быть может подарки врагам отвезти,
Им выплатить крупную дань?

И вот снаряжается в путь караван,
Что полон бесценным добром.
Там золото, яшма, нефрит и шафран,
И ткани, и жемчуг есть в нем.

Но все ж непреклонен безжалостный враг,
И снова везет караван,
Что только желать может воин-смельчак —
и стрел позлоченных колчан,

Мечи и щиты, много копий и лат,
Ретивых коней табуны.
Но нет! Все в пустую! И вражьих солдат
Отряды со стен уж видны.

И в страхе великом Юэ государь
За жизнь и корону свою.
И вот он решает немедленно в дар
Си Ши отвезти к князю У.

Небесной красою Си Ши покорен,
Забыл грозный князь о войне.
Так был от разгрома тот город спасен,
От смерти спасен князь Юэ.

* * *

Четвертую солнце встречает весну
В низовьях реки Янцзыцзян,
Но счастья нет на земле князя У,
Одной из несчастнейших стран.

Нищает, в упадок приходит страна,
Давно в беспорядке дела,
Но тщетны мольбы, и Си Ши лишь одна
Влюбленному князю мила.

И ночью, и днем, на дорогах разбой,
Пастух не пасет своих стад,
И княжее войско не рвется на бой,
Теперь его участь – парад!

Министры и слуги крадут из казны,
Налоги растут, что ни день,
Но князю лишь карие очи видны,
Ресниц шелковистая тень.

Все княжество он в упоении сложил
К ногам бесподобной Си Ши.
Лишь те, кто подарками ей угодил,
Лишь те для него хороши.

Их ждет и почет, и награда, и сан,
Тому ж, кто не смог угодить,
Тому повелел князь, безумный тиран,
Безбожно главу отрубить.

Всех верных друзей он давно потерял,
Пирами страну раззорил,
Льстецов и воров он в друзья подбирал,
И участь свою предрешил.

* * *

Глянь, кровью политы обильно поля,
Мертвец не сожмет уж копье,
Телами усеяна густо земля,
И тучей кружит воронье!

А там, где на щепки разбиты врата,
Конь мнется, но пусто в седле.
Блистательным штурмом столица взята,
Жестоко отмстил князь Юэ.

На троне чужом победитель сидит,
Недремлющей стражей храним,
Ликующий взор на добычу глядит,
Что войны проносят пред ним.

Вот золота слитки несут, а затем
Горячих ведут скакунов.
А следом испуганный гонят гарем
Да пленных дворцовых рабов.

Вдруг в этой толпе князь Си Ши увидал
И, с трона поднявшись тотчас,
Он царственным жестом слугу подозвал
И отдал жестокий приказ:

«Красавица та, что страну погубить
Способна, – опасный трофей.
Немедля должны вы ее утопить,
Чтоб горя не ведать нам с ней!»

* * *

Вода отражает небес высоту,
Что кануло вглубь – не найдешь.
И веточка груши в весеннем цвету
Роняет накопленный дождь.

Как крупные капли в озерную гладь
Стекает тот дождик в тиши.
Лишь озеро шелестом волн рассказать
Могло бы о смерти Си Ши.

Если же передавать эту историю прозой, то получится все почти то же самое, но несколько приземленнее. Си Ши родилась в простой крестьянской семье в провинции Юэ (сегодня это провинция Чжэцзян и знаменитый Шанхай). Слава о ее красоте быстро разлетелась по всей стране... Какая интересная жизнь была у местных крестьян, если в условиях постоянных войн и тяжелых работ периода военного напряжения всех своих невеликих сил они умудрялись еще рассказывать слушателям из соседних деревень и городов о красоте своей жительницы. И так убедительно, что все тут же согласятся и заочно назовут ее первой красавицей округи, а потом – и страны... Не будет ли логичнее предположить, что это изначально было политехнологическим проектом власти, или, если говорить проще, подготовкой качественной легенды будущего ценного ресурса, потребного стране? Может быть, не единственного, поскольку в таких делах лучше иметь кадровый выбор – мало ли куда метнется мысль девицы в период гормонального взрыва? А ошибок здесь не простят. Ни свои, ни чужие... И красота Си Ши скоро потребовалась родному государству. Поскольку правитель княжества Юэ Гоу Цзянь проиграл войну князю У и ему пришлось сдаться в плен. И вроде юридически он оставался правителем Юэ, но фактически оказался в полном подчинении своего бывшего противника князя Фу Чая, которому надлежало выплатить дань. И тут министры поверженного князя решили в качестве дани отослать победителю то, что на другом краю Ойкумены недавно назвали «троянским конем». Правда, здесь речь шла не о коне, а о красавице, но логика – та же. Некий ценный внешне подарок с неким двойным дном. И поскольку было известно, что Фу Чай чересчур одобрительно относился к прекрасному полу и многое красавицам прощал... И на многое ради них был готов.

Ведь, по преданию, красота Си Ши была так велика, что когда та наклонилась с балкона, чтобы посмотреть на рыбу в пруду, та была настолько ослеплена, что забыла, как плавать, и начала тонуть (по другой версии, она стирала в реке шелковую пряжу, и рыба тонула уже в реке). Эта легенда породила одну из двух китайских идиом-поговорок (рыбу заставить погрузиться вглубь, а летящего гуся опуститься на землю; про гуся – это про еще одну общепризнанную красу ненаглядную, которая жила позже), подчеркивающих чью-либо красоту. И именно ее выбрал министр князя Гоу Цзяня Фань Ли, который предложил отправить князю-победителю красивую и умную девушку в наложницы, чтобы отвлечь его от государственных дел и по

возможности давать советы, ослабляющие княжество У. Дабы выиграть время для того, чтобы Юэ окрепла и могла вновь добиться независимости. Фань Ли вроде бы долго искал кандидатку – ведь каждый хвалил своих знакомых, так что пришлось многих увидеть, пока он не услышал чарующий голос. А уж когда увидел... Три года из крестьянки готовили придворную диву, способную развлечь правителя и словом, и пением, и ритуалом, и главным своим оружием. Кураторство министра своего проекта окончилось ожидаемо – Фань Ли влюбился в свою подопечную. Расставаясь перед отправлением в логово князя У, Си Ши поклялась в любви Фань Ли, а тот ей. Они договорились, что когда их княжество будет свободно, то они воссоединятся и сразу же поженятся. И в 490 г. до н. э. Си Ши предстала перед князем Фу Чаем. Обратим внимание, что девушке было в то время 16. И это после трех лет обучения. Так что слава ее, как первой красавицы княжества, настигла ее еще в отрочестве. Китайские литераторы описывали ее облик, как совершенный. Отмечалось, что если бы она была на один сантиметр выше, то была бы слишком высокой, а если бы она была на один сантиметр ниже, то была бы слишком низкой. Если бы она набрала ещё один килограмм, то была бы немного полноватой, а если бы она сбросила один килограмм, то была бы немного худой.

Рассказывают, что когда князь Фу Чай увидел красавицу, – пишет Наталья Швец, – все остальные женщины в мире перестали для него существовать. Естественно, это жутко не понравилось его официальной супруге. Но, познакомившись поближе с соперницей, жена настолько сильно прониклась к ней, что с горечью воскликнула: «Почему ты мне не дочь или невестка?».

После смерти княгини, которая, кстати, случилась довольно быстро, Си Ши прочно заняла место покойной. Слепленный любовью, Фу Чай приказал построить в парке на склоне горы Линянь дворец Гуаньва (дворец Красивых Женщин), и забыл обо всем на свете. Ее бывшие наперсники не ошиблись в выборе – на десять лет князь Фу Чай забыл о делах государства. А пока они предавались любви и утехам, Гоу Цзянь и Фань Ли времени зря не теряли...

И вот княжество У было завоевано. Сделать это не составляло труда – подстрекаемый своей возлюбленной Фу Чай убил своего лучшего советника, великого генерала У Цзы Сюя, а без него управлять вооруженными силами оказалось некому. Так что Гоу Цзянь без особого труда сумел поднять восстание и завоевать независимость своему государству.

Фу Чай прекрасно понимал, какая участь его ждет, поэтому закончил жизнь самоубийством. Так что можно с уверенностью констатировать – Си Ши великолепно справилась с заданием и могла спокойно возвращаться домой, где ее терпеливо ждал влюбленный Фань Ли.

Фу Чай. Скульптурное изображение

Кстати, он так и не женился, ибо верил – наступит тот счастливый час, когда любимая женщина будет с ним. Но мечтам не суждено было сбыться...

Едва Гоу Цзянь увидел Си Ши, продолжает Швец, как тут же захотел овладеть красавицей, хотя прекрасно знал, что она любит другого, его собственного доверенного приближенного, и как тяжела влюбленным далась эта разлука. Недолго думая, Гоу Цзянь, пользуясь своим могуществом и забыв при этом, кому им обязан, лишил Фань Ли должности, имущества, а потом и вовсе выгнал за пределы княжества. Что же до Си Ши, то князь ее насильно делает своей наложницей. Когда девушка понимает, что ничего хорошего ее не ждет, принимает страшное решение. Во время одного из дворцовых праздников на корабле она бросилась в реку и утонула. По другой легенде, когда влюбленный Фань Ли был изгнан, он тайком прибыл на простой рыбацкой лодке к Си Ши, и они вместе отправились в туман пустынного озера Тай Хэ, после чего их никто не видел.

Правда, существуют и иные версии развития-окончания комплекса событий, где тесно переплелись любовь, ревность, власть и война. Самая решительная версия рассказывала, что Си Ши была тайно брошена в реку солдатами по приказу владыки Юэ, где и утонула. Поскольку правитель испугался, что Си Ши может околдовать его самого или других мужчин. А что в этом случае решит красавица, он даже не хотел и думать. Более оптимистическая и человеколюбивая версия дается в развитие бегства Си Ши и ее возлюбленного в туманное далеко озера Тай Хэ. Там бывший советник-министр Фань Ли сменил имя, поскольку боялся последствий своего неординарного поступка, но благодаря своему уму организовал и развил несколько предприятий, которые позволили ему жить долго в достатке и любви со своей избранницей...

Пока же на одной из земель единого общественного организма разыгрывались высокие драмы, в других местах жизнь тоже не стояла на месте.

Объединение древнекитайских царств было стремлением многих владык царств. Понимая, что в одиночку им не справиться с такой задачей, они решили заключить союзы с более отдаленными царствами. Так возникли союзы Чжао и Чу и союз Цинь и Ци. Правители Цинь и Ци договорились о том, что после победы над своими противниками циньский правитель принимал титул «Западного императора», а циский – «Восточного». Потом возникла другая идея: правитель Цинь становился «Западным императором», Яньский – «Северным», а Чжаоский – «Средним». Но все эти проекты не увенчались успехом.

Си Ши в альбоме Хэ Дацзы «Собрание жемчужин красоты»

Уже в период смены эпох современники, а в дальнейшем – и бытописатели этих десятилетий признавали, что соблюдение традиционной Добродетели и, особенно, вера в немедленную действенность деяний в полном соответствии с ней, ослабли. Война перестает быть орудием божьего суда, карающего виновных, и становится ремеслом, основными целями которого являются победа любой ценой и уничтожение врага. Не моральная победа над ним, после которой неприятель раскаивается и стремится присоединиться к победителю в его усилиях по совершению надлежащих деяний. А физическое уничтожение ресурса противника, должное

самым прагматическим образом ослабить его и заставить проиграть битву, долговременное стратегическое противостояние, царство.

По сути дела здесь впервые и современники, и исследователи подмечают мировой феномен крайнего ожесточения, который, как правило, присущ сепаратным и гражданским войнам, ведущимся по принципам – «кто не с нами – тот против нас» и «если враг не сдается – его уничтожают». Проходящим безо всяких сдерживающих моральных факторов и рыцарских отношений к противнику.

То же самое наблюдалось и в мирной жизни: ритуалы, протоколы и традиции более не определяли порядок общественной жизни. Владыки уделов. Цари. Ранее, согласно общепринятым порядкам и обычаям, добивавшимся увеличения Добродетели и укрепления престижа власти, теперь стремятся преимущественно к материальным выгодам и усилению голого могущества.

В IV в. до н. э. в большинстве крупных царств проводятся реформы легистского типа. Роль аристократии (кроме, естественно, некоторых кланов цинов, бьющихся за верховную власть в царствах) резко ослабевает. Открываются пути в карьерном росте богатым простолюдинам. На авансцену выходят наемные полководцы-стратеги и чиновники-администраторы.

Проведение реформ и их успешность зависели от желания и воли правителя и – таланта исполнителя-администратора. Так случилось, что наиболее полно подобные факторы сошлись в государстве Цинь. Именно сюда, ко двору Сяо-гуна, прибыл бывший правитель области Шан Вэй Ян, вошедший в историю под именем Шан Яна.

В 359 г. до н. э., вскоре после прибытия, он убедил владыку «изменить законы, реформировать наказания, поощрять пахоту... воодушевлять поощрениями и наказаниями тех, кто готов отдать жизнь, сражаясь»...

Тем временем продолжало резко усиливаться и государство Чу, путем присоединения к себе земель соседей. Но государство Цинь обошло его в вопросе объединения страны.

В 256 г. до н. э. Нань-ван, последний владыка Чжоу, умирает, не оставив потомства. Цари Цинь захватывают символ власти династии (равно, как и предшествующих – Ся и Шан-Инь) – магические треножники, и буквально через несколько лет ликвидируют и сам домен Чжоу.

Династия Чжоу завершила свое движение в бесконечность.

На пороге уже была новая династия – Цинь...

Вся логика развития китайской цивилизации, включая ее достаточно оригинальное и своеобразное мифотворчество, должна была привести к созданию цикла преданий-сказаний-легенд-мифов об особенной красоте женщин, олицетворявших собой во многом женское начало национального видения мира. И вещного, земного, и мира духовных существ, живущих на различных планах многомерного мира, не ограниченного видимыми его проявлениями.

На территории Китая находят останки доисторических людей, проживавших и 100 тысяч лет, 40–30 тыс. лет назад. За все эти невообразимые тысячелетия здесь и в других местах произойдет великое чудо социализации части животного мира, части первобытного сначала предчеловека, а потом – человека. Беря в передние конечности камень или палку (особенно ее), предчеловек часто замечал, что она не совсем такая, как ему хотелось бы. Но это в лесу можно было бросить одну и легко найти другую, нужную деревяшку. В саванне – все несколько по-другому. И часто с помощью лап-рук и зубов палка доводилась до нужного дизайна.

Правда, занимались этим не все стада-орды. Некоторые начали развивать свои природные физические данные – зачем драться с сильным врагом, если можно от него убежать? Зачем обкусывать палку, когда проще догнать и разорвать мелкую добычу или увидеть очередную добычу очередной кошки, что лучше получается, чем у соседей, благодаря тому, что у нас есть востроглазые верзилы? Другим, более низким, менее здоровым и проворным не оставалось

ничего другого, как вертеть в руках камень или палку, пытаясь приспособить ее по руке и верить, что приспособил ее на все случаи жизни.

Конечно, все предусмотреть было нельзя, но попытка преобразовать окружающие предметы себе на службу в некотором роде может считаться предвидением, что само по себе значит создание и использование благоприятных условий себе во благо и уклонение от факторов неблагоприятных. Предвидевшие уцелели, понадевшиеся на крепость рук и первобытный авось полегли в неравных схватках чаще с хищниками, но иногда – и с рукодельными соседями, которым они пытались доказать свою правоту простейшим образом – личным примером. И убедить их не совершать ошибок, которых избегали общие предки.

Ибо эти более хилые придумали дело доселе неслыханное – стали сохранять жизнь своим старикам. Сохраняли жизнь поначалу, правда, не всем, но лишь самым умелым – тем, кто лучше всех мог обработать камень. Поскольку используя в своей повседневной жизни палки, кости, рога, камни, наш предок убедился на собственном опыте, что камень с острыми краями лучше всего пригодится, когда нужно содрать шкуру с убитой добычи, разрезать мясо, раздробить кости, чтобы достать оттуда вкусный костный мозг. Но такие камни – большая редкость, их просто так с земли не подберешь, но есть в стаде-орде несколько стариков, у которых удивительно ловко получается дробить камни, чтобы они в результате стали пригодными для работы. Их и решили пощадить. Для начала. Им начали выдавать порцию мяса, сравнимую с теми, что получали лучшие охотники и молодые самки с маленькими детенышами, должными в будущем работать на орду. И вскоре в первоначальное сообщество молодых и сильных самцов и самок с детенышами добавились постоянной составляющей и умелые старики (вначале – камнетесы, потом и самые умелые охотники, и врачеватели ран, и собиратели целебных трав, в дальнейшем – добытчики огня и обладавшие иными навыками, нужными всем). Именно сохранение и собирание по крупицам этого бесценного опыта позволило предлюдям выйти победителями из борьбы со своими более мощными и внешне более приспособленными к военным действиям соседями. За счет использования техники и благодаря организации, которая укрепилась после пересмотра отношения к некоторым старикам. В принципе иерархия и дисциплина начали прививаться с самого начала переселения в саванну – ибо без организации было ни отбиться от хищника, ни добыть дичь. Но у прямых предков людей она приобрела более четкие и жесткие формы – только при ее наличии можно было достичь определенного отношения к пожилым особям и только она могла обеспечить успех той общей охоты, которая была для них главным источником жизни (их более крепкие соседи могли позволить себе и индивидуальную охоту).

Когда начали оберегать стариков, сначала не всех, потом все больше и больше – ибо кто-то из пожилых не сумел выдержать конкуренции, но остальные сумели убедить окружающих в своей нужности – и уцелели, появилась потребность осмыслить и закрепить это событие-явление. Начатки интеллекта, сформировавшиеся к этому времени, создали начатки морали – этический запрет, вылившийся в табу – абсолютный запрет, нарушение которого каралось немедленно и крайне жестоко (в дальнейшем, по мере развития интеллекта и осмысления окружающего мира как реально существующего и живущего по своим особым законам, что предполагало наличие создателя и регулятора природы и законов, табу приобретет ярко выраженную магическо-религиозную окраску, а наказание за его нарушение перейдет в высшие сферы, пока же расплата за его нарушение вполне конкретна и материальна).

Причем табу распространялось на все живые существа данной орды-рода, дабы по ошибке нельзя было лишиться какого-нибудь старого (или хилого) носителя нужного всем знания-навыка. Хилого – потому что табу запрещало убивать и старых, и молодых, а обязывало заботиться о них. Из этого первого табу – «не убий» в дальнейшем вырастет вся мораль, вся этика всего человечества, всех его религий и философских учений.

Так начала строиться новая общественная организация – не стадо животных, не орда предлюдей, но род и племя, объединявшее под своим крылом не только биологически функ-

циональных и сильных, но и умных. Но чтобы понять необходимость жизни умелых, надо было уже уметь мыслить. Начало мышления, начало этики, постепенный отказ от стадной памяти с ее прекрасным, до сих пор применяемым в особых случаях принципом «делай, как я!» и зарождение памяти социальной, обеспечивавшей преемственность знаний и традиций, а в дальнейшем и культуры – таков итог первого этапа, самого мучительного и, пожалуй, беспощадного в истории становления Человека, этапа, итогом которого становится возникновение родоплеменной организации человека, долгие сотни тысяч лет бывшей основным способом объединения все более разумного человеческого существа.

Приходит время нового этапа – когда естественный отбор затронет не отдельные личности, но их организации – менее развитые, дисциплинированные, функциональные, обладающие меньшим количеством совокупных полезных навыков, – стираются с лица земли. В этот же период начинается замедление биологической эволюции, которая прекратится 35–40 тыс. лет тому назад, когда человек приобретет наш нынешний облик и интеллектуальную суть. До этого же эволюция на базе генетического отбора проделала весьма значительный путь и весьма большую работу.

Замедление этого процесса имеет своей основой тот же фактор, что позволил появиться обществу-организации, породившей в свое время и нашу цивилизацию, а именно – зачатки этики, закрепленные в первых табу, способствовали прекращению по сути дела естественного индивидуального отбора, дав право на жизнь зачастую функционально неприспособленным для нее индивидуумам (хилым, больным, слабым). Постепенно их генетические особенности полностью разладят эволюционный механизм, и человек в своем физическом и интеллектуально-психическом развитии остановится на привычном для нас уровне.

Для достижения этого уровня были пройдены тысячелетия и тысячелетия вверх по эволюционной лестнице, совершены величайшие открытия, которые вряд ли кто – по их значимости на общую судьбу, – когда сможет повторить.

На смену питекантропу 300–200 тыс. лет назад приходит неандерталец, к эпохе существования которого можно отнести зарождение родовой организации, овладение огнем, первые известные сейчас захоронения, свидетельствующие о распространении принципов защиты членов племени и на период после их смерти и существование уже неких разработанных версий жизни после смерти.

Особую роль играет овладение огнем – если предшественник неандертальца жил в теплый доледниковый период, характеризующийся субтропическим климатом, то на его долю выпало жить и выжить в одну из самых суровых эпох земли – в ледниковый период. Огонь явился в этом случае спасением – не будь его, предку человека, не имеющего природной шубы, выжить бы было вряд ли возможно. Но здесь происходит очередной глобальный поворот в истории сознания и жизни человека – он ставит себе на службу огонь, тот самый огонь, что у всех животных всегда вызывает наибольший ужас. Человек же не испугался – к этому времени он обладал достаточно гибким интеллектом, чтобы не просто использовать огонь, что он делал периодически и ранее, но и научиться добывать его, сейчас, когда это стало жизненной необходимостью. Огонь согрел человека, отогнал от него докучливых хищников и дал ему возможность начать питаться жареной и вареной пищей, что позволило освободить значительные ресурсы организма.

В эпоху существования неандертальцев осмысление окружающего мира перестает быть пассивно-созерцательным, появляются попытки упорядочения, кодификации жизни, возникают первые варианты объяснения появления человека, осмысливается его особость, неповторимость, словом, появляется тотемизм, который в своем развитии приводит поздних неандертальцев к магии и религии. Тотемизм – это признание полной схожести всех членов рода с определенным видом животных, когда, например, олень или медведь объявляется предком рода и, соответственно, охота на него табуируется.

В конце ледникового периода, перед началом потепления на смену неандертальцу приходит кроманьонец, человек разумный, хомо сапиенс. Это происходит 40–35 тыс. лет назад. В мир приходит уже сложившийся человек, живущий в уже сложившемся обществе. На этом оканчивается биологическая эволюция человека, социальная же начинает приобретать с каждым тысячелетием все более отчетливый цивилизаторский акцент. Именно в период верхнего палеолита окончательно формируется родовой строй, возникает искусство и религия.

Эволюция человека от неандертальца к кроманьонцу до некоторой степени схожа с предшествующими этапами естественного отбора различных орд: за короткий в общем-то срок гораздо более мощный неандерталец уступил поле битвы менее сильному, но лучше организованному кроманьонцу. Это находит объяснение в более ярко выраженной агрессивности неандертальцев, приводившей к эгоизму и постоянным нарушениям моральных табу. И поэтому им не удалось создать тот уровень боевой организации и военной техники, ибо к умельцам относились как к обузе и возможной пище, что оказалось по плечу их противникам. Борьба в целом велась беспощадно – каждому не нужен был враг в будущем, особенно это касалось кроманьонцев, знающих злобные повадки своих недругов, – и неандертальцы исчезли с лица земли. Отсюда идет укоренившееся во всех языках первоначальное деление мира на «они» и «мы», где «мы» возникает как противопоставление враждебным «они» и где «мы» – это люди, а «они» – нет. И где зачастую со всеми «они» было принято поступать однозначно.

По мере исчезновения неандертальцев понятие «они» переносится на близких по крови соседей. Правда, здесь противостояние первое время не переходило опасной черты, но все равно психологический дискомфорт от соприкосновения оставался, оставалась и возможность его разрешения боевыми способами, и поэтому более слабые были вынуждены уходить. Выдавленные с одной территории, они или были гонимы и с других земель, или в свою очередь изгоняли кого-то. Это ощущение древних охотников и воинов долгие века потом будет присутствовать в афоризме кочевника-скотовода, гласящего, что его глазам больно, когда они видят на горизонте юрту соседа.

Здесь же, на землях современного Китая, сложилась уникальная обстановка – конкуренция расселения в меньшей степени, чем другие земли, послужившие в дальнейшем первоначальными очагами протоцивилизаций и древнейших государств, оказались затронуты процессом взаимовыдавливания. В стороне от переселенческих ветров здешние социумы развивались максимально автономно, что докажет потом вся дальнейшая история, в том числе и история эпохи цивилизации.

Видимо, действительно, здешние земли могли предоставить древним людям и достаточную кормовую базу, и определенную защищенность от внешних опасностей, о чем и свидетельствует подобное постоянство ареала обитания доисторического человека на протяжении многих сотен тысяч лет подряд. И дальнейшее достаточно закрытое развитие одной из древнейших цивилизаций человечества. Сюда доносились лишь редкие, ослабленные волны великих переселений народов. Хотя и недооценивать значение этих волн ни в коей мере нельзя.

Именно на этих благодатных землях и появится изначально древнекитайская сначала прото-, а затем и полноценная цивилизация. Как и другие цивилизации Древнего Востока, первые, классические (Египет. Месопотамия) она возникнет из необходимости организации обеспечения местных земледельцев водными ресурсами, что в те времена было невозможно получить, минуя создание определенных организационно-управленческих структур-иерархий, служивших по сути дела прообразом государства и его началом.

Древний Китай. Карта-схема

Известный китаист Л.С. Васильев в своем труде «История Востока» отмечает: «Древнекитайский очаг земледельческого неолита возник примерно в VI–V тысячелетиях до н. э. в бассейне Хуанхэ. Это хорошо известная специалистам культура Яншао. Расписная керамика и навыки выращивания зерновых культур, прежде всего чумизы, равно как и знакомство с одомашниванием скота (свинья), позволяют, наряду с некоторыми другими аналогичными факторами, ставить вопрос о ее генетической связи с аналогичными культурами расписной керамики более западных регионов, в частности ближневосточного, где происходила неолитическая революция и откуда шло массовое расселение неолитических земледельцев. И хотя этот взгляд на генезис китайского неолита вызывает возражения, значимость которых усилилась за последние годы в связи с открытием юго-восточноазиатского центра незернового земледельческого неолита (таро, ямс, батат, бобовые), тем не менее многое, включая и некоторые новые археологические раскопки в западных районах Китая, по-прежнему говорит о том, что своими навыками в сфере зернового земледелия и тем более практикой росписи и формами орнамента на керамике культура Яншао обязана более ранним западным вариантам единой серии культур расписной керамики Евразии».

Чуть позже культуры Яншао, к концу IV тыс. до н. э., в нижнем течении Янцзы возникает еще одна культура – автохтонная неолитическая культура (культура Луншань), которая со временем перемещается на север и накладывается на культуру Яншао.

Именно соединение этих культур и станет основой появления в Северном Китае древнейших городов, а, следовательно, государства и цивилизации.

Итак, древнекитайская цивилизация возникла в среднем течении реки Хуанхэ. Ее бассейн являлся основной территорией формирования одной из ранних мировых цивилизаций, которая в продолжение длительного времени развивалась в условиях изоляции. Со време-

нем территория Китая стала расширяться в южном направлении, сначала в направлении реки Янцзы, а затем и далее на юг.

Древнейшая историография Поднебесной начинала историю китайского государства (и – шире: цивилизации) с эпохи Пяти государей (III т. до н. э., исходя из того, что последние государи правили в XXIV в. до н. э. и правили по многу десятилетий). Однако та же историография показывала, что их правление возникало уже в достаточно развитом социальном организме, в полной мере находившемся на стадии предгосударства.

По существующей традиции Пяти государям предшествовали родоначальники Поднебесной – Три властелина – полубожественные существа Фу Си и его сестра/жена Нюй Ва. Им наследовал Шэньнун («Божественный земледелец»), преемником которого и стал Хуан-ди, или Желтый Владыка, выбравший символом своего правления землю, ассоциировавшуюся в Поднебесной в силу специфики почв с желтым цветом.

Хуан-ди – первый из Пяти государей, основоположник государственности и многих ремесел. Ему наследуют остальные государи – Чжуаньсюй, Гаосинь, Яо и Шунь

До этого Трое властелинов дали людям Поднебесной практически все их умения и навыки. И даже саму жизнь, ибо Нюй Ва, по легенде, сотворила первых людей из глины. Кроме этого, она починила небосвод, а совместно с Фу Си изобрела свадебные обряды и подарки. Сам же Фу Си изобрел непосредственно супружество, календарь, музыку и первые графические символы. Шэньнун сделал соху, научил людей обрабатывать землю и торговать.

Хуан-ди. С китайской гравюры

При Государе Хуан-ди его помощник Инь обучил людей плавке металла и изобрел первые военные орудия. Хуан-ди, по «Книге Придворного историографа» (более известной как «Исторические записки»), знаменитого ханьского историографа Сыма Цяня, жившего во II–I вв. до н. э. и постаравшегося собрать в своем труде все доступные ему источники и сведения о предшествующих эпохах, «Хуан-ди – потомок [рода] Шао-дянь, носил фамилию Гунсунь и имя Сюань-юань. От рождения он обладал необыкновенными дарованиями, младенцем уже умел говорить, в детстве отличался смышленостью, в отрочестве – сообразительностью, а став совершеннолетним, проявлял большую ясность ума.

Ко времени Сюань-юаня род Шэнь-нуна хирел из поколения в поколение. Владетельные князья – чжухоу нападали друг на друга, мучили и терзали народ – байсинов, но род Шэнь-

нуна не был в состоянии покарать чжухоу. Тогда Сюань-юань стал упражняться в применении щита и копья, чтобы покарать тех, кто не являлся с дарами, и все владетельные князья были ко двору с изъявлением учтивости и покорности. Только одного Чи-ю, отличавшегося наибольшей жестокостью, никак не удавалось покарать.

[Когда] Янь-ди возымел желание урезать в правах и владениях чжухоу, все владетельные князья стали переходить на сторону Сюань-юаня. Сюань-юань стал тогда совершенствовать свои добродетели и поднимать военное дело. Он упорядочил пять стихий, насадил пять видов злаков, успокоил народ, навел порядок в четырех частях страны, обучил [воинов, как] черных и бурых медведей, барсов, леопардов, ягуаров и тигров, и сразился с Янь-ди на поле у Баныцюань. После трех сражений [Сюань-юань] осуществил свои устремления. Только Чи-ю поднял бунт и не подчинялся повелениям императора. Тогда Хуан-ди призвал войска владетельных князей и сразился с Чи-ю на поле у Чжолу, захватил Чи-ю и убил его. После чего все владетельные князья провозгласили Сюань-юаня Сыном Неба, сменив [таким образом] род Шэнь-нуна. Так вот и стал Хуан-ди императором.

Если кто-нибудь в Поднебесной не подчинялся, Хуан-ди выступал и карал его, а успокоив, уходил оттуда. [Хуан-ди] расчищал горные склоны и прокладывал дороги, никогда не пребывая в покое.

[Он] своевременно сеял все злаки и травы, [сажал] деревья, приручал и разводил птиц, зверей, червей и бабочек, наблюдал за солнцем, луной, звездами и созвездиями, добывал землю, камни, металлы и яшму, в трудах не жалел своих способностей и сил, ушей и глаз, бережливо использовал воду, огонь, лес и другие богатства. Поскольку [в свое время] появилось благовещное знамение стихии земли, его прозвали Хуан-ди («Желтый император»). То есть факты свидетельствуют, что будущий государь существовал и действовал в достаточно развитом социуме, где имели место и междоусобицы, и борьба за власть отдельных владетельных родов, и некое государственное нестроение. Словом, обычные страсти и обычные дела любого человеческого сообщества той и последующих эпох. Отметим – уже достаточно развитого сообщества. В III тыс. до н. э.

Его преемником был Чжуань-сюй. «[Когда] Хуан-ди, – пишет Сыма Цянь – скончался, его похоронили на горе Цяо-шань. На престол вступил его внук Гао-ян – сын Чан-и. Это и был император Чжуань-сюй.

Император Чжуань-сюй, по прозвищу Гао-ян, был внуком Хуан-ди и сыном Чан-и. Он был спокойным и глубоким в своих замыслах и решал дела, вникнув в их суть. [Он] создавал богатства, сообразуясь с особенностями земли; действовал, исходя из сезонов года, беря пример с Неба; устанавливал отношения людей, подражая духам людей и небесным духам; управлял стихиями с целью просветить и изменить [людей]; очищал свое тело и сердце, чтобы совершать жертвоприношения. [Вот почему] на севере вплоть до Юдина, на юге до Цзяочжи, на западе до Люша, на востоке до Пань-му все, что [в этих пределах] двигалось и было неподвижно, все большие и малые духи, все, освещаемое солнцем и луной, смирилось и подчинилось ему».

Чжуань-сюю наследовал Гаосинь. Как пишет Сыма Цянь: «У императора Чжуань-сюя родился сын по имени Цюн-шань. Когда Чжуань-сюй скончался, на престол вступил его внук Сюань-сяо, по прозвищу Гао-синь, это был император Ку. Император Ку, по прозвищу Гао-синь, был правнуком Хуан-ди, отца Гао-синя звали Цзяо-цзи, отца Цзяо-цзи звали Сюань-сяо, отца Сюань-сяо звали Хуан-ди. Ни Сюань-сяо, ни Цзяо-цзи не стояли у власти, и только Гао-синь занял императорский престол. Гао-синь приходился Чжуань-сюю двоюродным племянником.

Гао-синь от рождения обладал необыкновенными способностями и, [родившись], сам назвал свое имя. Он повсюду приносил пользу всему живому, не думая о себе. Обладая прозорливостью, [он] знал о самом далеком, отличаясь проницательностью, вникал в самое малое,

следуя справедливости, установленной Небом, знал нужды народа. [Гао-синь] был человеколюбив и строг, милостив и тверд в своем слове, совершенствовал себя, и Поднебесная подчинилась ему. [Он] брал богатства у земли и бережно использовал их; ласково наставлял народ и учил его получать выгоду; исчислял движение солнца и луны, встречая и провожая их; распознавал духов и с почтением служил им. Внешность его была величественной, а добродетели высокими. Действия его были всегда своевременными, а одежда – как у простого чиновника. Император Ку отличался беспристрастностью, распространяя ее на всю Поднебесную, и [поэтому] все, освещаемое солнцем и луной, овеваемое ветром и омываемое дождем, подчинялось ему.

Император Ку взял в жены девушку из рода Чэньфэн, которая родила Фан-сюня, взял в жены девушку из рода Цзюй-цзы, которая родила Чжи. [Когда] император Ку скончался, его сменил Чжи. [Но], находясь на престоле, император Чжи оказался плохим [правителем]. Когда он умер, на престол взошел его младший брат Фан-сюнь. Это был император Яо».

Государь Яо первым из всех правителей уже присутствует в древнейших письменных памятниках. Он отмечается здесь как образцовый правитель, решивший передать престол не сыну, а некому добродетельному мужу, человеку бедному, но мудрому и добродетельному. Его обязанности, как владыки, многочисленны и сакральны. Жизнь его, как и других государей, подчинена ритуалам и канонам, от соблюдения которых добродетельным правителем и зависит процветание вверенной ему Земли.

«Императора Яо [звали] Фань-сюнь, – пишет в своих “Исторических записках” Сыма Цянь – в человеколюбии он был подобен Небу, а в знаниях подобен небесным духам. К нему устремлялись, как к солнцу, на него взирали, как на [благодатное] облако. Будучи богатым, он не был заносчивым, будучи знатным, он не был надменным. [Яо] носил желтую шапку и простую черную одежду, ездил в красной повозке, запряженной белой лошадей.

[Яо] сумел проявить добродетели, ведущие [людей] к повиновению... Затем [он] повелел Си и Хэ почтительно следовать [законам] Великого Неба, исчислять [движение] солнца, луны, звезд и созвездий и со старанием сообщать народу о сроках [работ]. [Он] повелел Си-чжуну поселиться в Юйи, [в месте], называемом Янгу, [чтобы] оттуда с почтением сообщать о появлении солнца и регулировать ход весенних работ, а в день весеннего равноденствия по звезде Няо определить второй месяц весны. В это время народ разделялся, птицы откладывали яйца, у животных происходила случка.

И еще повелел Си-шу поселиться в Наньцзяо, регулировать ход летних работ, чтобы достигать [поставленной цели], а в день летнего солнцестояния по звезде Хо правильно определять второй месяц лета. В это время народ следовал [на поля], птицы сбрасывали [перья], а животные линяли.

И еще повелел Хэ-чжуну поселиться на западных землях, [в месте], называемом Мэйгу, [чтобы] оттуда с почтением сообщать об уходе [летнего] солнца и регулировать ход осенней уборки, а в день осеннего равноденствия по звезде Сюй правильно определять второй месяц осени. В это время народ успокаивался, птицы и животные обрастали перьями и шерстью...

Год состоял из трехсот шестидесяти шести дней, а с помощью добавочного месяца выправлялись четыре времени года. Все чиновники надлежаще наставлялись, и [поэтому] все дела процветали.

Яо спросил: “Кто сможет успешно продолжить мое дело?” Фан-ци ответил: “Ваш сын, [наследник] Дань-чжу, весьма просвещен”. Яо на это сказал: “Ну нет! Он упрям и свиреп, [поэтому] не годится”. Яо снова спросил: “Кто же сможет?.. предложите кого-нибудь из моих знатных родичей или из живущих далеко [от меня] и пребывающих в неизвестности!”. Приблизженные ответили: “Есть одинокий человек, живущий среди народа, зовут его юйский Шунь”. Яо сказал: “Да, я слышал о нем. Каков же он?” Сюээ ответили: “[Он] – сын слепого, отец [его] склонен к порокам, мать – сварлива, младший брат – заносчив, но [Шунь] своей сынов-

ней почтительностью умеет поддерживать [среди них] согласие, постепенно направляя [их] к добру, так что они не дошли до преступления”. Яо воскликнул: “Я испытаю его!” После чего отдал [Шуню] в жены двух своих дочерей, [чтобы] посмотреть, как [повлияют] его добродетели на двух женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.